

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 159.923.2

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ГОРИЗОНТЫ ГРАЖДАНСКОГО ДЕЙСТВИЯ В ФИЛОСОФИИ ХАННЫ АРЕНДТ

А.А. Золотов

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Рассматриваются взгляды Х. Арендт на культуру и контркультуру западного общества в период после Второй мировой войны. Если культура общества потребления характеризуется философом как феномен, сопровождающийся отчуждением и социальной пассивностью, что ведет к утрате доверия к демократическим институтам, то контркультура связывается с подъемом движения новых левых, несущего в себе заряд протеста против сложившихся социальных устоев. Анализ революций Нового времени позволяет Х. Арендт утверждать, что ценности и институты демократии могут обеспечить позитивные перспективы развития не только западного общества, но и человечества в целом.

Ключевые слова: общество массового потребления, гражданские права, революция, контр-культура, Модерность.

После Второй мировой войны Х. Арендт сосредоточила свое внимание на анализе ситуации, сложившейся в западном обществе и культуре, пытаясь охарактеризовать присущие им кризисные тенденции, имеющие глобальные негативные политические последствия. В центре её внимания – индустрия культуры общества потребления, порождающая углубление отчуждения, социальную пассивность и прямо связанная с утратой доверия к демократическим институтам, феномен контркультуры, сопряженный с подъемом движения новых левых, а также различные проявления борьбы за гражданские права, несущие в себе заряд протеста против сложившихся социальных устоев. Одновременно Арендт продолжает верить, что ценности и институты демократии могут обеспечить позитивные перспективы развития не только западного общества, но и человечества в целом. Именно поэтому она обращается к тем феноменам истории Нового времени, которые, на её взгляд, отмечены печатью радикального гражданского действия, способного служить примером для современности.

Можно с уверенностью утверждать, что искания Арендт идеала обновления западного общества и культуры путем возрождения интереса к гражданской активности и демократическим ценностям занимают особое место в современной политической мысли США. Её воззрения не вписываются полностью ни в либеральную, ни в коммунитаристскую

традиции. «В этом смысле, – замечает М. Пассерин д'Антрэв, – политическая мысль Арендт не может быть отождествлена с либеральной традицией или с утверждениями ряда коммунитарных критиков. Арендт не рассматривала политику как средство удовлетворения индивидуальных предпочтений или как путь интеграции индивидов вокруг единичной или трансцендентальной концепции блага. Её интерпретация политики вместо этого базируется на концепции *активной гражданственности*, т. е. на ценности и важности гражданской вовлеченности и коллективного рассуждения о делах, затрагивающих политическое сообщество» [8, с. 2]. Философско-политические воззрения Арендт в значительной степени предвосхитили построения теоретиков последнего поколения Франкфуртской школы. Её видение политики как пространства свободной коммуникации между индивидами и активного гражданского действия обращено в будущее, адресовано современникам как определенная программа действия, призванная найти средства для преодоления атомизированного состояния субъекта, поддерживаемого массовой культурой.

Характерно, что именно критика стандартов общества потребления и его культуры, их современного состояния служит прологом размышлений Арендт о кризисных явлениях в сфере политики стран западного мира. Общее состояние культуры Запада видится ей той основой, на которой вырастают негативные явления в сфере политики. Культура Нового времени, по мысли Арендт, отмечена превращением ее продуктов в предмет обмена, их рассмотрением как ценностей. Воспроизводя мотивы построений Маркса и Хайдеггера, она говорит о превращении творений культуры в товар, «который может быть скалькулирован и обращен в деньги в обмен на различные иные типы ценностей – социальные и индивидуальные» [4, с. 204]. Таким образом, согласно американскому автору, происходит по сути дела дезинтеграция целостности культурных миров, их нивелировка денежным фактором. Следующий шаг на этом пути был сделан массовым обществом и его культурой.

«Возможно, главным отличием между обществом и массовым обществом является то, что общество желало культуры, оценивало и обесценивало культурные объекты как социальные товары, использовало и неверно поглощало их во имя собственных эгоистичных целей, но не “потребляло” их. Даже в своем наиболее неприметном виде эти вещи оставались вещами и сохраняли определенный объективный характер; они ветшали до тех пор, пока не превращались в груды старья, но не исчезали. Массовое общество, напротив, желает не культуры, а развлечения, и запасы, предложенные индустрией развлечения, разумеется, потребляются обществом, подобно любым иным потребительским товарам» [4, р. 205]. Культурные объекты, ставшие предметом потребления, представляются Арендт включенными в жизненный цикл субъекта, в тот самый «метаболизм человека с природой», о котором писал еще Маркс. Развлечение, занимающее свободное время субъекта массового

общества, является таким же звеном его жизненного процесса, как труд или сон. Хотя элитарные произведения искусства, в особенности в его модернистской ипостаси, и направлены против примата потребительского подхода к культурным объектам, он торжествует в западном мире.

Арендт ярко прорисовывает механизм расширенного воспроизводства потребления, торжествующий в массовом обществе, показывая роль средств массовой информации и рекламы во всем их знаково-символическом могуществе в деле роста поглощения продуктов массовой культуры [4, р. 207]. При этом её интересует не столько сам процесс стимуляции потребления массовой культуры, сколько социально-политические следствия такового. И здесь она обращается к проблематике способности суждения, которая, на её взгляд, является силой созидания культуры и политики [4, р. 223]. Если применительно к сфере искусства массовая культура блокирует способность видеть, производить и созерцать прекрасное, то в области политики она по сути парализует возможности субъекта в области его самоопределения как гражданина, действующего вместе с другими людьми.

Арендт уверена, что омассовление культуры несет с собою весьма печальные следствия для демократического общества, ибо, по сути дела, институциональная сторона, бюрократический аппарат государства и действующих политических партий подменяют собою пространство политического волеизъявления граждан. «Само представительное правление, – констатирует она, обращаясь к анализу политических реалий США, – находится в состоянии кризиса, частично потому что утратило в течение времени все институты, которые позволяли воплотиться реальному представительству граждан, и частично потому что оно теперь тяжело затронуто болезнью, от которой страдает партийная система: бюрократизации и двухпартийной тенденции не представлять ничего, кроме партийной машины» [6, с. 89]. На примере США Арендт полагает возможным выявить все наиболее болезненные симптомы кризиса политической системы современного Запада. К этому её побуждали движения гражданского протеста, в свете которых по-новому вырисовывались и контуры проблемы возможных вариантов трансформации сложившейся ситуации. Поиск выхода из констатируемого ею кризиса вел Арендт к анализу опыта истории становления демократической государственности Запада.

Именно в перспективе опыта Американской и Великой французской революции XVIII в. Арендт трактует проблему гражданской активности и возможных условий ее реализации. Они, на её взгляд, заложили институциональные основы современных демократических сообществ западного мира, а потому и выход из кризиса современной политической жизни мыслится ею как своеобразное возвращение к истокам, с тем чтобы использовать их живительную силу для возрождения им-

пульса гражданской активности в пространстве омассовленного общества потребления.

Характерно, что именно Американская революция видится Арендт не только породившей стремление к радикальной перемене политической жизни, но и наиболее последовательно реализовавшей задачу создания институциональной основы для свободной гражданской активности. «Разумеется, странно видеть, – замечает она, – что образованное американское мнение двадцатого века еще более, нежели европейское, склонно интерпретировать Американскую революцию в свете Французской революции или же критиковать её, поскольку она столь очевидно не соотносится с уроками, извлеченными из последней. Печальной правдой является то, что Французская революция, закончившаяся несчастьем, создала всемирную историю, в то самое время как столь триумфально успешная Американская революция осталась событием едва более, чем локальной значимости» [5, с. 56]. Арендт пытается пересмотреть то, что кажется очевидным многим современным теоретикам, ибо, на ее взгляд, именно в ходе Американской революции было воссоздано то пространство политического действия, которое исчезло вместе с греческим городом-государством. И причиной тому были специфические социокультурные условия свершения Американской революции, которые радикально отличались от существовавших на Европейском континенте.

Арендт полагает, что Франция, как и многие европейские державы в XVIII в., страдала от нищеты широких слоев народа и коррумпированной бюрократии абсолютистского режима, а потому и не смогла реализовать в должной мере задачу радикальных политических преобразований в интересах обеспечения свободы граждан. Америка же писала свою историю заново, не зная бремени феодальной традиции. На ее земле большинство граждан не знали нужды, сформировалась, по выражению Арендт, новая «раса» людей, живущих в условиях «приятного единообразия», в которых «абсолютная бедность хуже смерти». Поэтому, как полагает она, не Американская революция с её заботой по установлению нового политического способа правления, а само существование «нового континента» и его обитателей революционизировали дух людей сперва в Европе, а затем по всему миру. Одновременно Американская революция, оказавшись в меньшей степени, нежели Французская, обремененной социальным вопросом, порожденным экономическим неблагополучием населения, смогла более основательно заняться собственно политическими проблемами, создав сеть институциональных и правовых оснований, обеспечивающих конкретные условия реализации гражданских свобод.

Точка зрения Арендт во многом инспирирована воззрениями А. де Токвиля, также увидевшего в Американской революции пример для преобразований в Европе. Он писал: «Американские политические

институты, вызывавшие лишь любопытство в монархической Франции, должны стать предметом углубленного изучения во Франции республиканской. Новую власть укрепляет не только сила, но и хорошие законы. Вслед за воином приходит законодатель. Один разрушает, другой закладывает фундамент. У каждого своя работа. Речь уже идет не о том, будем ли мы Францией королевской или республиканской; необходимо понять, будет ли эта Республика буйной или спокойной, упорядоченной или неупорядоченной, Республикой мирной или воинственной, либеральной или деспотической, той Республикой, которая угрожает священным правам собственности и семьи, или же Республикой, признающей и чтущей эти права. Чрезвычайно важная проблема, от решения которой будет зависеть судьба не только Франции, но и всего цивилизованного мира... В зависимости от того, создадим ли мы свободную демократию или же демократическую тиранию, станет изменяться и облик мира, и можно сказать, что сегодня мы решаем, будет ли повсюду она будет уничтожена» [3, с. 23–24]. Солидаризируясь с де Токвилем, Арндт видит в Американской революции процесс, породивший такие политические институты и легитимизирующие их правовые акты, которые могут служить своеобразным противовесом против «демократической тирании». Подобно французскому автору, она полагает важным найти средства, препятствующие диктатуре большинства в демократическом облике, попирающей свободу и права каждого индивида. Так же как и он, Арндт видит невозможность универсального решения этого вопроса и полагает его зависимым от конкретных обстоятельств. Именно поэтому сегодня столь значим, на взгляд Арндт, опыт Американской революции, создавшей пример продуктивной работы властного механизма демократии, обеспечивающей уважение прав и свобод личности.

На ход революций, по Арндт, существенно влияет то, что начиная с XVIII в. именуется «социальным вопросом», или, если сказать проще, существование нищеты. Бедность – это больше, чем лишение, это состояние постоянной нужды и невыносимых мучений, ввергающее людей в состояние подчинения своим телесным потребностям, диктату естественной необходимости. Именно социальный вопрос, поставленный обездоленными массами, может, согласно Арндт, стать препятствием на пути революционного стремления к свободе как главной цели.

Арндт полагает, что ход Американской революции оставался направленным на утверждение свободы и установление прочных политических институтов. Имманентная логика развития Французской революции была, напротив, на её взгляд, predetermined вторжением на арену политической борьбы огромной массы неимущих, что выдвинуло на первый план именно социальный вопрос и сделало проблему политической свободы чем-то вторичным [7, с. 92]. Эта ситуация, как не без основания утверждает Арндт, будет многократно повторяться в истории. К. Маркс, который, на её взгляд, изначально пытался найти путь

завоевания политической свободы, в конечном итоге под давлением именно социального вопроса стал рассматривать политические реалии в пространстве экономической необходимости, утратив понимание автономии и значимости публичной активности личности. Видение В.И. Лениным перспектив Октябрьской революции также оказалось подчиненным именно решению социального вопроса.

Нельзя не заметить, что логика рассуждений американского автора обусловлена её концепцией истории Нового времени. Одновременно очевидно, что её подход интересен в плане постановки вопроса о соотношении социальных и собственно политико-правовых проблем, возникающих в эпохи радикальных общественных преобразований. Действительно, социокультурная специфика ситуации, в которой была свершена Американская революция, позволила обеспечить известную автономию решения собственно политико-правовых проблем. «Богатство новообретенной земли, – пишет Д. Бурстин, – могло создать условия хорошей жизни по меркам Старого Света» [1, с. 183]. Великая Французская революция, действительно, всем своим ходом демонстрирует возрастающую значимость социального вопроса, который становится центральным в период якобинской диктатуры [1, с. 146]. Вполне убедительным выглядит и вывод о негативном влиянии примата социального вопроса по отношению к политико-правовой проблематике в ходе не только Французской революции, но и последующих революционных событий в Европе [2]. Вопрос лишь в том, может ли этот урок истории повлиять на решение конкретных проблем политического плана в наши дни. Арендт полагает, что само осознание такового должно стать прологом к рассмотрению актуальных проблем современности, рефлексивному освоению опыта революций в Европе в эпоху Нового времени, в нашем столетии. Она верит, что современный мир может преобразить лишь гражданская активность людей, их свободное творчество.

Список литературы

1. Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. / пер. с англ. под общей ред. и с комментариями В.Т. Олейника. М.: Издательская группа «Прогресс» - «Литера», 1993. 480 с.
2. Манфред А.З. Великая Французская революция. М.: Наука, 1983.
3. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
4. Arendt H. *Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought, Revised Edition including two additional essays*, New York: Viking Press, 1968.
5. Arendt H. *On Revolution*. L.: Penguin, 2006.
6. Arendt H. *Crisis of the Republic*. L.: Penguin, 1973.
7. Arendt H. *On Revolution*. L.: Penguin, 1965.
8. Passerin d'Entreves M. *The Political Philosophy of Hannah Arendt*. L., 1993.

THE CRISIS OF CONTEMPORARY CULTURE AND CIVIC ACTIONS IN HANNAH ARENDT'S PHILOSOPHY

A.A. Zolotov

Tver State Technical University, Tver

The article examines Hannah Arendt's views on culture and counter-culture of Western society during the period after World War II. While the culture of the consumer society is characterized by the philosopher as a phenomenon accompanied by social alienation and passiveness that lead to loss of trust to democratic institutions, the counter-culture is associated with the rise of the New Left movement carrying the impulse of protest against the prevailing social institutions. The analysis of revolutions of Modernity period allows H. Arendt to state that only the values and institutions of democracy can provide positive prospects for the development of Western society, as well as humanity as a whole.

Keywords: *consumer society, civil rights, revolution, counter-culture, Modernity.*

Об авторе

ЗОЛОТОВ Алексей Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и психологии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: zlat76@yahoo.com

Author information

ZOLOTOV Alexey Alexeevich – Ph.D., Assoc. professor of Philosophy and Psychology Department, Tver State Technical University, Tver. E-mail: zlat76@yahoo.com